

Описывая путешествие мудреца, автор напрасно обошел Грецию, которую следовало бы «навестить», хотя бы на обратном пути героя повести. В это время Греция переживала так называемую гомеровскую эпоху (около 1000 г. до н. э.). Именно в это время после гибели микенской культуры, Грецию усиленно посещали «гости сидонцы». Следовало дать хотя бы беглое художественное описание гомеровской Греции, чтобы читатель получил представление о жизни разных народов Средиземноморья.

Давая подробное описание Карфагена, автор смешивает различные эпохи. Известные нам описания Карфагена у Полибия, Диодора и Аппиана относятся к римскому времени. Даже традиционная дата основания Карфагена—814 г.—на 100—150 лет позднее описываемого времени царствования царя Соломона и сидонского царя Хирама. Ссылка автора (примечание 1-е на стр. 102) на то, что новейшие археологические работы на месте Карфагена говорят о более раннем основании поселений на территории Карфагена, чем указанная традиционная дата, не меняет положения. Описание Карфагена, данное в повести, соответствует высшему расцвету жизни Карфагена уже в римское время.

Автор злоупотребляет изображением орудий из меди, железные же орудия у него совсем отсутствуют, в то время как именно в этот период и даже раньше (1200—1000 г. до н. э.) в Финикии широкое распространение получает железо. Известно, что финикийцы уже в эпоху Тель-Амарны (конец XV в. до н. э.) ввозили в Египет железо. В описываемое время железо появилось даже в средней Европе (Галльштагский период). Автор повести это игнорирует, несомненно, в ущерб исторической правдивости.

Не следовало бы загружать книгу изложением сомнительных гипотез, вроде того, что Канарские острова и остров Мадейра являются остатками исчезнувшего материка Атлантиды, а древние жители этих островов уанчи—остатки «великого народа атлантов, обитавшего на исчезнувшем материке и погибшего вместе с Атлантидой в пучинах океана» (прим. 4 на стр. 169). В то же время автор книги устами самих уанчи говорит, что они некогда прибыли на острова из Африки, бежав от ужаса угнетения. Все это может вызвать только путаницу в головах школьников.

Для писателя—художника, конечно, допустима известная свобода в изложении исторических фактов, но она не должна выходить за пределы исторической адекватности и синхронизма, в противном случае художественное историческое повествование теряет свою познавательную ценность.

При некоторых недостатках в подаче исторических фактов повесть В. Яна занимательна, интересна и обогащает юного читателя ценными историческими познаниями в художественной форме.

А. Я. Абрамович

Новый труд по эллинистическому праву

R. TAUBENSCHLAG, The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri. 332 B. C.—640 A. D., New York, «Herald Square Presse, Inc.», 1944, стр. XV + 488.

С открытием греческих папирусов история античного права, в частности эллинистического, получила чрезвычайно богатый и притом самый разнообразный материал для восполнения многих пробелов в наших знаниях по этой отрасли древней истории.

Уже через четверть века после массовых открытий папирусов итоги достижений по линии юридического изучения последних были изложены в известной работе М и т-

тейса и Вилькена «Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde» (1912), второй том которой, написанный Миттейсом, содержит очерк права Египта в птолемеевскую и римскую эпохи.

За тридцать с лишним лет, истекших со времени выхода в свет труда Миттейса, накопилось колоссальное количество новых папирологических изданий.

Одновременно с ростом папирологического материала шла интенсивная научно-исследовательская работа в области греко-египетского права.

Естественно, что вполне назрела необходимость в новом обобщающем труде по египетскому праву в свете греческих и латинских папирусов, в котором следовало осветить вопросы, которые оставил без внимания Миттейс, дополнить и исправить то, что уже было им сделано, и обобщить результаты последних научных достижений в этой области. Эту задачу взялся разрешить Р. Таубеншлаг.

К работе над своей книгой Таубеншлаг приступил в 1938 г. еще во время своего пребывания в Кракове, где он был профессором римского права, и, несмотря на потрясения, которые ему пришлось пережить в связи с войной в Европе¹, он успешно справился со своей задачей, создав важное пособие, к которому отныне вынуждены будут обращаться не только юристы и историки права, но также всякий исследователь истории Египта в эллинистическо-римскую эпоху. Таубеншлаг, по его собственному признанию, использовал в этой книге свои прежние исследования по греко-египетскому праву (первые его работы появились в 1907 г. в «Archiv f. Papyrussforschung» и в «Rozpr. Krakow. Akad. Umiejętności», но большая часть книги написана заново (стр. VIII).

Рецензируемый труд содержит частное и уголовное право, а также судопроизводство. Автор обещает еще один том, посвященный конституционному и административному праву (стр. 43, сноски).

Работа состоит из 4 глав: гл. I—«Египетское, греческое и римское право в их взаимосвязи» (стр. 1—42); гл. II—«Частное право» (стр. 43—324); гл. III—«Уголовное право» (стр. 325—364); гл. IV—«Процесс и исполнение приговора» (стр. 325—346).

Первая глава носит одновременно характер и обширного введения и не менее подробного заключения. Поскольку она дает общую картину права греко-римского Египта, показывая его важнейшие источники, составные элементы и учреждения, она как бы вводит читателя в гущу предмета; поскольку же в качестве иллюстраций приводятся наиболее интересные явления, более детально рассмотренные дальше, то перед нами как бы заключительные выводы автора. Если к тому же еще добавить, что это единственная глава, выдержанная в сравнительно-историческом плане (да и то не без отступлений), то вполне станет ясным ее значение. Поэтому я и остановлюсь над ней более подробно.

Коренное население жило по египетскому праву, которое в эллинистическую эпоху сохранило свой территориальный характер (ὁ τῆς χώρας νόμος), в римскую же потеряло его, сделавшись лишь народным (ὁ τῶν Αἰγυπτίων νόμος). Попытка кодификации египетского права имела место при Птолемеех (стр. 2) и как будто бы во II в. н.э., при римлянах (стр. 3). Греческое население жило по греческому праву, которое было конгломератом из многих элементов в соответствии с пестрым племенным составом греческой иммиграции (стр. 6). Против этого утверждения автора можно возражать, так как вполне вероятно, что греческое право Египта представляло собой лишь копию александрийского права, которое, в свою очередь, восходит к афинскому праву. Последнее обстоятельство находит подтверждение в Р. Оху., 2177, 12 сл.². Унификация греческих πολιτικῶν νόμων в Египте была проведена птолемеевским законодательством (так наз. царские διατάγματα или προτάγματα). Многие из птоле-

¹ После нападения гитлеровской Германии на Польшу 60-летний ученый бежал во Францию (Эн-Прованс), откуда он в 1940 г. был вынужден вторично бежать, на этот раз в Америку.

² Ср. также С. Я. Лурье, рец. на Р. Оху., XVIII в ВДИ, 1947, № 1, стр. 111. Свидетельство Р. Оху., 2177 не использовано в достаточной мере ни у Таубеншлага (стр. 6 и сл.), ни у Сегре («Byzantion», XVII, стр. 401). Таубеншлаг упоминает Р. Оху., 2177 лишь в связи с деликтом ὕβρις (стр. 330; прим. 30).

меэвских постановлений продолжали действовать в эпоху империи. Вероятно, что римляне в середине II в. н. э. предприняли кодификацию так наз. *ἀστική νόμος* (стр. 11).

Надо заметить, что это уже третья очень смелая гипотеза на протяжении первых 10 страниц. Затем автор рассматривает взаимное влияние греческого и египетского права (стр. 14 сл.). Сюда относятся в первую очередь усвоение египтянами греческих форм отпущения рабов на волю, греческих форм договорных обязательств, греческого поземельного права; усвоение греками египетских норм семейного права (власть матери над детьми, так наз. *ἄγραφος γάμος*, полигамия¹ и наследственного права (равноправие дочери при наследовании, привилегированное положение старшего сына). Римское право, которое пришло вместе с римским завоеванием, касалось главным образом римских граждан, но оно оказало сильное воздействие на местное право через императорские постановления, законодательство префектов (например, эдикты Тиберия Флакка, Wilcken, Chrest. 13; Семпрония-ibid., 19), судебную и нотариальную практику. Романизация местного права выражается в введении римских формул в контракты (стр. 30 сл., 251, 263, 310), в подражании римской опеке над малолетними (*cura minorum*) и универсальному фидеикомиссу (стр. 46, 147). Наряду с этим римское право в Египте эллинизировалось. Так, в области личного права признается правоспособность (?) раба (стр. 33, 37), способы освобождения рабов (манумиссия перед агораномимами, *m. inter amicos*) принимают местные черты (*m. vindicta* исчезает после CA и дарования прав гражданства всем свободнорожденным жителям империи), *patria potestas* превращается в опеку (*ἀποχρήσις*); в области брачного договора мы видим существование формулы *ἐστράχησι* (после имени каждого свидетеля); в области завещания встречаем вместо приказаний пожелания и многое другое.

Таким образом, в Египте в эпоху империи действовали две системы права (стр. 37): романизованное местное право (лишь в незначительной степени имело применение к римлянам) и эллинизированное римское право (только для римлян). Многие учреждения местного права (например, брак свободнорожденных с рабынями, *μητρική ἐξουσία-locatio-conductio liberarum personarum*) вошли в византийское право (стр. 39 сл.).

Вторая глава начинается разделом, посвященным личному праву. Быстро рассмотрены права юридических лиц (фиск, автономные города и метрополии, *κῆμη* в византийский период²). Затем автор переходит к правам физических лиц (свобода, рабство, вольноотпущенничество). Подробно рассмотрены категории и наименования рабов, источники рабства (плен, задолженность, самопродажа, *ἀνδραποδισμός* и происхождение от рабов), права хозяина в отношении рабов и юридическая правоспособность (?) рабов. Сомнительным кажется утверждение Таубеншлага, что, в то время как по личному и вещному праву раб считался вещью, в денежном и семейном праве он часто выступает как субъект права (ср. перечень юридических сделок, в которых участвуют рабы, на стр. 67—68). Нельзя забывать, что если раб и пользуется некоторой юридической самостоятельностью, то он выступает как представитель хозяина, который за него несет юридическую ответственность (аналогично Dig., XV, 1). Отмеченная Таубеншлагом двойственность юридического положения раба—результат того, что с точки зрения античного права раб—вещ (*servi sunt res*), но личность раба все время дает о себе знать.

Рабовладельческое право вынуждено в некоторых случаях видеть в рабе юридическое лицо, но отсюда еще далеко до того, чтобы говорить о правоспособности раба, как это делает Таубеншлаг. Раздел заканчивается рассмотрением форм отпущения рабов на волю, о которых речь была выше.

¹ Греческие брачные договоры доримского времени имеют иногда любопытную оговорку о запрещении многоженства (Таубеншлаг, стр. 78).

² Таубеншлаг, повидимому, вслед за историками-модернизаторами, как, например, Ростовцев («Archiv. f. Pap.», III, 214; Kolonat, 192 и 218) склонен отрицать юридический характер общин *δημόσιοι γέφυροι*, хотя Greisigke (Girowesen im griech. Ägypten, стр. 80 сл.) убедительно доказал, что они были настоящими юридическими лицами.

Второй раздел посвящен с е м е й н о м у праву. Здесь рассмотрено брачное право (эндогамия и полигамия, смешанные браки, брачный договор и развод), *patria potestas*, *materna potestas*, опека (над малолетними и женщинами) и наследственное право. Автор указывает, что, в связи с тем, что нынешний уровень науки не позволяет окончательно разрешить все эти вопросы, его «трактовка брака в птолемеевскую и римскую эпохи основана на гипотетических посылках» (стр. 88, прим. 54). По его мнению *ἐγγράφος γάμος* — это лишь новое название для *συγγραφή συνοικισίου* птолемеевской эпохи, а *ἄγραφος γάμος* — для египетской формы брака на основе неписанного соглашения (стр. 87—88). Небезынтересно, что браки между братьями и сестрами, несмотря на запреты, практиковались даже римлянами (стр. 83—84). Хотя отцовская власть была господствующим началом в семейном праве греко-римского Египта (стр. 113), в определенных случаях признавалась также власть матери. С согласия мужа (при его жизни) она выдавала детей замуж, отдавала их на усыновление и в услужение, имела некоторые права над их имуществом и т. д. (стр. 114 сл.). Вдова, а также мать, не состоящая в законном браке, имела опекающую власть над личностью детей и опекающую над их имуществом (стр. 117).

Очерк о н а с л е д с т в е н н о м праве имеет своей отправной точкой монографию К р е л л е р а «*Erbrechtliche Untersuchungen*», 1920, причем, как замечает автор, он старался привлечь внимание лишь к основным проблемам в рамках систематического изложения материала (стр. 137, сноски). Наследование при отсутствии завещания было построено на системе родственных классов, отличной от греческой (старший сын получал двойную долю, дочь — равную долю с младшими сыновьями и т. д.). Завещание (*διδήκη*) должно было быть составлено у нотариуса. Римские завещания в Египте составлялись на греческом языке, но по латинским формулярам (до времени Александра Севера писались по-латыни, а затем переводились). Освещены в этой связи также разные смежные вопросы, как, например, объявление и отмена завещания, оговорки о наследстве в брачных договорах и договорах об усыновлении, вступление в наследство, ответственность наследника, *donatio mortis causa*, *divisio parentis inter liberos*, *successio contra tabulas* и др.

В третьем разделе изложено в е щ н о е право. Первая часть раздела посвящена вещному праву, вторая — обязательствам. Автор здесь касается терминологии (владение, собственность), *βιβλιθήκη ἐγκτήσεως*, ведавшей регистрацией поземельной собственности, сервитутов, аренды (долгосрочная), приобретения собственности, закладного права (заклад — *ὕπλληγμα*, *ὕποθήκη*) и т. д. Уже в птолемеевскую эпоху, думает Таубеншлаг, существовала частная собственность на землю (строительные участки, виноградники). Нахотная земля находилась в переходном состоянии к частной собственности (стр. 175—178). Во второй части изложены теория обязательств, оформление договоров и различные контракты (продажа, заем, аренда, *locatio-conductio* недвижимой и движимой собственности, *locatio-conductio* рабочей силы, *pacta*, *conditiones* и многое другое. Некоторые изложенные в этой части вопросы имеют довольно спорный характер, как, например, *κατήχη*, в отношении которой Таубеншлаг ограничивается лишь кратким изложением «своей собственной точки зрения» (стр. 240). Нельзя согласиться с некоторыми взглядами автора на состояние *παράνομη*. Состояние это возникало либо в результате договора о найме (*συγγραφή παράνομης* или просто *παράνομη*), либо в результате акта манумиссии-отпущения на волю (редко в папирусах). Таубеншлаг отмечает, что формулы договоров о найме такие же, как если бы речь шла о рабах (стр. 280). Вероятно, он хочет этим сказать, что резкого различия между наемными рабочими и рабами не делалось¹. Однако вслед за Вестерман он склонен видеть в вольноотпущеннике при *παράνομη* лицо, находящееся во власти (под *potestas*) патрона (стр. 218, прим. 77). Надо сказать, что этим, на мой взгляд, не исчерпывается юридическая природа состояния *παράνομη*.

¹ Ср. также С. Я. Л у р ь е, Движение свободных рабочих в древней Греции, Уч. Зап. ЛГУ, № 39, 1939, стр. 16.

Если, с одной стороны, вольноотпущенник (resp. законтрактованный работник) лишен свободы передвижения и должен «пребывать» (*παρμένειν*) при хозяине, то, с другой стороны, надписи подчеркивают, что хозяин, наказывая вольноотпущенника, не должен забывать, что перед ним свободный (например, CDJ, 1714, 1161; RIJG, II 2—3, p. 275). Вернее поэтому видеть в *παρισσόυ* своеобразное промежуточное положение между рабством и свободой.

Третья глава, которая содержит очерк у г о л о в н о г о права, выполнена наиболее слабо. Автор почему-то ограничился повторением своей работы, написанной в 1916 г., правда, с привлечением нового пояснительного материала из вновь опубликованных папирусов¹. Таубеншлаг рассматривает здесь преступления (деликты) против физических лиц (убийство, *ἔφρις, βία*), против фиска, против государства, против религии и морали, а также правонарушения.

Последняя глава посвящена с у д о п р о и з в о д с т в у. Здесь рассмотрены: организация судов, гражданский и уголовный процесс и приведение в исполнение приговоров. Не оставлены без внимания и такие вопросы, как судебные вызовы, адвокатура, исполнительные листы, меры наказания и др.

Вполне понятно, что останавливаться сколько-нибудь подробно на всех проблемах, затронутых в работе Таубеншлага, здесь невозможно. Ограничусь поэтому немногими замечаниями, касающимися как общего характера книги, так и некоторых избранных вопросов.

Существенный недостаток рецензируемого труда это отсутствие историзма. Изложение—догматическое, построенное на формальном принципе. Нет ни малейших попыток увязки истории права с историей государства и общества². Теоретико-юридические построения автора порочны; им присущи общие буржуазной историко-правовой науке недостатки. Неудивительно, что автор часто не может правильно определить место и значение многих юридических институтов, так как для этого необходимо знать марксистско-ленинское учение об общественном развитии³.

Приведу несколько примеров.

Так, говоря о юридическом положении рабов (стр. 50. сл.), Таубеншлаг переоценивает степень их юридической независимости, впадая в явную идеализацию греко-египетского рабства, против чего справедливо возражал в своей рецензии Сегре⁴. Слишком много увлекается Таубеншлаг и формально-юридическим сходством, не пытаясь проанализировать сравниваемые факты. Например, при сравнении пекулия

¹ На это обратил внимание M. R a d i n, «Classical Philology», XLI, 1 (1945), стр. 167 (рец.).

² Лишь в виде исключения встречаем у Таубеншлага такие абзацы: «Администрация (римская.—Б. Н.) рассматривала это как хорошую политику для того, чтобы насадить среди народа принудительное «арендное держание» (compulsory lease-holds) прилегающей земли как своего рода прикрытую компенсацию с целью покровительства развитию частной собственности» (стр. 204).

³ Даже в своей специальной работе, посвященной общинному землевладению на римском Востоке (Spólnoty gminne w zromanizowanych prowincjach rzymskiego Wschodu, «Rozpr. Polskiej Akad. Umiejętn.», wydz. hist. filozof., serja II, t. XXXVIII (63), N. 3, Kraków, 1921), он оперирует понятием «аграрного (общинного) коммунизма», под которым он понимает следующую совокупность признаков: периодические переделы земли, запрещение продавать землю, приоритет соседей при покупке земли, право проходить, брать воду и охотиться на чужом участке. Понимания того, что общинное землевладение переживало сложное историческое развитие, у Таубеншлага не находим. Поэтому он не видит общины там, где она есть (соседская и сельская община), а ищет ее там, где ее уже давно нет и где от нее остались лишь слабые воспоминания (сервитуты, ретракт).

⁴ Сегре пишет, что если бы Таубеншлаг оказался прав, то греко-египетское рабство надо было бы признать неполным рабством. Но, будучи и сам чужд подлинной науке о развитии общества, Сегре вынужден для опровержения Таубеншлага прибегать к цитатам из... «Хижины дяди Тома» («Byzantion», XVII, стр. 402, прим. 11 и 406)

египетских рабов эпохи империи с древневосточным пекулием он ни словом не упоминает об их качественных различиях. Не показано у Таубеншлага, как традиции и пережитки патриархального рабства, сохранившегося в Египте в птолемеевскую и римскую эпоху, видоизменились под влиянием греческого и римского права о рабах.

Касаясь *materna potestas* (стр. 38, 113—118), автор приводит ценнейший фактический материал о положении египетской женщины, в корне противоречащий греческим и римским юридическим представлениям в этой области. Однако автор не хочет (или не может) осознать, что перед нами осколок глубокой древности, пережиток материнского права, и он не находит ничего лучшего, как опровергать восходящий к эпохе матриархата обычай именовать детей по матери ссылкой на полигамию (стр. 113, прим.). Странно думать, что полигамия могла быть этому причиной. Полигамию встречаем в Вавилонии, в Ассирии, у евреев и других древневосточных народов, нигде не встречая у них обычая именовать детей именем матери.

К пережиткам матриархата следует отнести также браки между сестрами и братьями¹.

Рассматривая поземельную собственность, Таубеншлаг исходит из неправильного представления о наличии в эллинистическо-римском Египте феодальных отношений. Он говорит о «феодальных держателях» в последнем столетии птолемеевского господства (стр. 179), о первоначальном феодальном характере *γῆ κληρονομική* (стр. 180) и т. д. Он, конечно, не в состоянии правильно решить вопрос о соотношении землевладения и земельной собственности в Египте. В эллинистическо-римском Египте верховным собственником земли выступает царь или император; лишь постепенно и медленно возникает здесь античная форма собственности (*γῆ ιδιόκτητος*), которая проявляется как тенденция к установлению частного землевладения на *γῆ κληρονομική*.

В отношении сервитутов (стр. 193) автор не старается вскрыть, где мы имеем здесь дело с пережитками общинного землевладения и где с новыми явлениями, возникшими в связи с ростом частного землевладения, хотя в свое время автором была сделана попытка охарактеризовать общинное землевладение в восточных провинциях Римской империи².

Игнорирование социальных, классовых корней права заставляет Таубеншлага нередко ссылаться на «национальный характер» как на последнее объяснение, хотя сам он дает очень много материала для опровержения такого рода «объяснений». Смешанные браки (стр. 78—79), влияние местного права на греков, а позже на римлян, и, наоборот, влияние греческого и римского права на местное право лишь в самой ничтожной степени (да и то вряд ли) возникли вследствие «национальных» особенностей египтян, греков и римлян. Эти явления—результат сложного взаимосплетения экономических, общественных и политических причин. Там, где Таубеншлаг видит лишь «национальные» особенности, как, например, в отношении египетского *ἄρσφος γάμος* (стр. 84), мы часто находим стадийные явления. Такая форма брака засвидетельствована и папирусами Дура—Эвропос (стр. 87).

Книга написана очень сухим и лаконичным языком, что еще более подчеркивает ее конспективный характер. К тому же она мало доступна, так как рассчитана на чрезвычайно подготовленного читателя, основательно знакомого с римским правом и папирологией. Автор не утруждает себя объяснением многих специфических выражений, текстов, технических терминов, употребляемых сокращений и т. д. Не-специалист, читая книгу Таубеншлага, вынужден будет обращаться за справками к «Grundzüge» Миттлейса, а это нельзя не признать серьезным дефектом.

Техническое оформление книги на должной высоте. Правда, изредка встречаются опечатки, и притом не только в греческих и латинских словах, но и в английских, что уже отмечалось в рецензиях.

¹ Кагаров (Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 54, 58—59) упускает из виду, что египетские греки, по всей вероятности, не принесли этих пережитков с собой, а переняли их в Египте от местного населения.

² См. Таубеншлаг, Spółnoty gminne.

Книга Таубеншлага насыщена фактическим материалом, приводит обширную библиографию (основная библиография дается в начале каждого раздела), и поэтому является полезным справочным пособием. Но порочность методологии автора не позволяет признать его книгу действительной историей греко-египетского права, которая еще ждет своего автора.

Б. И. Надэль

PIERRE WALTZ, La question d'Orient dans l'antiquité, Paris, Payot, 1942, стр. 368.

Автор рецензируемой книги Pierre Waltz прошел путь, обычный для многих буржуазных ученых. Его путь как ученого — типичное явление для удачливой загнивающей исторической науки Запада. Помимо изданных в разное время переводов античных писателей, он выпустил монографию о ремесленниках Греции в гомеровскую эпоху. Новизна собранного Вальцем материала и свежесть его выводов позволяли ожидать от ее автора новых успехов в области изучения истории античности. Но следующая его работа об Эгейском море, изданная в 1934 г., показала, что автор пошел по пути реакционного направления западной исторической науки, поставив свою исследовательскую работу на службу консервативных политических теорий. Последняя работа основана уже на антинаучных расистских взглядах, воспринятых автором не без влияния немецкой нацистской историографии. Это предопределило всю дальнейшую линию его развития, и рецензируемая книга о «восточном вопросе в античном мире» вполне отчетливо завершает ее.

Искусственно подбирать факты из истории античного мира и находить между ними и современными историческими событиями объективно несуществующие связи для подтверждения своих реакционных теорий стало в настоящее время излюбленным приемом буржуазных историков. Рецензируемый труд П. Вальца является типичным примером применения этого метода, хотя еще в работе об Эгейском море автор показал себя специалистом, тонко и умело творящим замаскированные остро-политические произведения под видом научных монографий.

Уже самое название последней книги П. Вальца — «Восточный вопрос в древности», является тенденциозным и обнаруживает политические стремления автора, содержащие же целиком раскрывает истинные позиции Вальца.

Как заявляет сам автор в предисловии, его интерес к теме его новой книги вызван не военными событиями нашего времени. Гораздо раньше последней войны против германского фашизма и первой мировой войны 1914—1918 г., особенно же в ходе балканских войн 1912—1913 гг., Вальц был поражен «большим сходством», в условиях античного мира и нового времени, как, например, в столкновении Афин и Филиппа Македонского, с одной стороны, и «салоникским инцидентом» между Грецией и Болгарией — другой. При сопоставлении событий античной истории и современностью перед автором, как он заявляет, возник вопрос, не вызывались ли они одними и теми же причинами особенно географическими, которые, действуя, по мнению Вальца, одинаковым образом в различные времена, отдаленные друг от друга большими интервалами, время от времени вызывали в одних и тех же областях одинаковые потрясения. Желание рассмотреть эти условия, вызывавшие сходные, как кажется автору, события в самые различные эпохи, и послужило причиной появления в свет настоящей книги.

Несомненно, что уже самый подход автора к избранной им теме является порочным. Ярko бросается в глаза неправильная концепция автора, пытающегося свести причины крупных исторических событий к роли географического фактора. Географическая среда, как это блестяще показано в гениальном произведении И. В. Сталина, является одним из условий развития общества, которая «ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является определяющим влиянием... географическая среда не может служить главной причиной, определяющей